

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1. Новенький	5
ГЛАВА 2. Прогуляем(ся)?	42
ГЛАВА 3. Подарок	66
ГЛАВА 4. Верю — не верю	84
ГЛАВА 5. А волосы-то не спасти	111
ГЛАВА 6. Точное попадание	131
ГЛАВА 7. Давай сгорим дотла	154
ГЛАВА 8. Выбирай правду	175
ГЛАВА 9. Потери и находки	196
ГЛАВА 10. Торт, перестрелки и входящее сообщение	221
ГЛАВА 11. Это было очевидно, разве нет?	244
ГЛАВА 12. И пели они долго и счастливо	262
ЭПИЛОГ	272
БЛАГОДАРНОСТИ	284

Соня Белкина успешно сдает экзамены и поступает в университет. Ее первое провальное собеседование (ведь сразу идеально быть не может), а за ним собеседование другое, открывающее тысячи возможностей, идеальный будущий парень, новые друзья, путешествия и каждый день как сказка. В конце обязательно красивый закат и титры: «Жила она долго и счастливо».

Мама моя вечно твердила, что в жизни часто все идет наперекосок по воле случая или судьбы, и как бы ни планировал будущее, в нем все равно будет множество ответвлений и дорог, от нас не зависящих. Я с ней не согласна. Если долго и тщательно что-то представлять и чего-то хотеть, это обязательно притянется к тебе из Вселенной. Нужно лишь собственными ручками этой самой Вселенной помогать. Я взяла эту идею за основу собственной жизни. Буду упорно прогрызать путь, невзирая на препятствия.

Выключив воду, потянулась к полотенцу, попутно стряхивая воду с волос. Душа пела и радовалась. Вот только моя блаженная нега прервалась ровно в тот момент, когда нога опустилась на коврик и в ступню впились маленькие детали конструктора. Откуда он вообще взялся в ванной? И как я не заметила его в ворсе коврика, когда забиралась под душ?

— Ауч! Твою ж! Светка, ты покойница!

Подпрыгивая на одной ноге и растирая вторую ладонями, я действительно была готова уको-

шить свою шестилетнюю сестру. Кто никогда не ходил по минному полю из разбросанных игрушек, не поймет всей той боли, что я переживала день ото дня.

— Соня, ты чего орешь? — донесся звонкий голосок из-за двери.

— Хватит разбрасывать свои игрушки!

— Я ничего не разбрасывала! Наверное, это Швепс!

Я закатила глаза к потолку с мысленной мольбой, чтобы высшие силы даровали мне терпения. Всего на год. Потом я сниму квартиру поближе к университету и смогу спокойно выходить из ванной, а не шагать как цапля.

В голове возник образ маленькой студии, где на плите в турке варится кофе, на столе лежит открытая книга, а в форточку залетает ветер, играя с невесомой полупрозрачной занавеской. Это, кстати, тоже один из пунктов моей визуализации желаний. Жаль, что вспоминала я о собственном уголке чаще всего в такие моменты.

Закутавшись в полотенце, выглянула в коридор. Швепс, несправедливо обвиненный в преступлении, сопел на коврик в прихожей, свернувшись клубком. Наш маленький тойтерьер и не догадывался, что его обожаемая хозяйка любила сваливать всю вину на него. Хотя про хозяйку можно было и поспорить. Выклянчив на пятилетие собачку, Света переложила все обязанности по уходу за ней на меня. Так что Швепс стал больше моей заботой, чем ее.

— И не стыдно тебе сваливать все на эту мелкую крысу? — спросила я погромче, хотя знала, что сестра спряталась где-то поблизости и прекрасно меня слышала.

Ступая аккуратно, чтобы половицы не скрипнули, я заглянула за дверь спальни Светы. Обычно, играя в прятки, она первым делом выбирала это место. Хм. Пусто. Ладно, пойдём дальше. Штора в сторону! Тоже нет. Пришлось плюхнуться на живот и заглянуть под кровать. Пара темно-карих глаз, точь-в-точь как моих, с довольным прищуром уставилась на меня.

— Вообще-то Швепс собака, а не крыса.

— Да неужели?!

Сестра принялась забавно выползать из-под кровати, как маленькая ящерка. Ее зеленое платье в белый горошек оказалось безбожно помятым. Целых пятнадцать минут вчера вечером я пыталась его отпарить, чтобы ребенок выглядел в детском саду прилично, но горбатого только могила исправит. Света относилась к тем детям, которые даже в солнечную погоду наступали на единственную лужицу.

А еще она очень часто строила из себя деловую леди. Как сейчас, например.

— Мы вообще-то опаздываем, а ты до сих пор мокрая и неодетая.

Она скривилась и помахала рукой, указывая на полотенце и мои волосы, с которых падали редкие капельки.

— Это ты рано оделась. А я всегда принимаю душ после пробежки. — Поправив полотенце, я решила вернуться в ванную за феном. — Тем более я выгуляла твою крысятину!

— Собаку!

— Вот и помни об этом, когда Швепсу приспичит на улицу! Через полчаса выходим.

— Ага, — бросил мне в спину маленький дьяволенок и снова забрался под кровать. Я вздохнула, наблюдая, как пяточки скрылись из виду.

Уже год, как отец официально ушел к другой женщине, оставив нам трешку, где мы прожили столько счастливых мгновений все вместе. Было больно. Даже если тебе семнадцать, расставание родителей несет печать непомерной печали. Но в мои годы проще принять факт, что на несчастье счастья не построишь, поэтому я смирилась, поставила на сердце заплатки. А вот для мелкой развод родителей стал настоящим горем. Света любила маму, любила папу и не понимала, почему они не могли, как и раньше, отдавать свою любовь нам и друг другу.

За этот непростой год сестра стала эмоционально нестабильной. Ее бросало то в слезы, то в приступы ярости, то порой волнами накатывал истерический смех. Любимым местом Светы стало пространство под кроватью, куда она пока еще с легкостью могла пролезть. Детский психолог сказала, что это нормально. Света пыталась пережить эмоциональный кризис и пряталась в «убежище»,

в котором чувствовала себя защищенной, в том числе и от новой боли.

Проследить за ее состоянием и окружить заботой стало нашей с мамой первоочередной задачей. Отсюда и собачка по первому запросу, и сладости в неограниченном количестве, и смена одной секции на другую только потому, что там «неприкольно». А так как мамины смены администратором магазина по двенадцать-тринадцать часов порой перетекали в ежедневные, большую часть ответственности я взяла на себя. Но справлялась ли я по-настоящему, если сестра так и не бросила привычку искать укромное место?

Высушив свои непослушные каштановые волосы, из-за горячего воздуха превратившиеся в шапочку одуванчика, я быстро подвела глаза, пару раз мазнула по ресницам тушью, натянула школьную форму и прихватила со стула рюкзак, готовая выходить. Часы на руке показывали без пятнадцати восемь. Управилась за полчаса, сама пунктуальность. Сестра, одетая уже как час, даже не высунула нос в коридор. Мне пришлось топтать за ней в комнату.

— Света, полчаса! Я же сказала, что выходим через полчаса!

Сестра сидела на ковре посреди комнаты, держа в руках фотографию в рамке. На ней были изображены мама, папа и четырехлетняя Света на фоне циркового шатра. Над их головами кучевые облака из белых и воздушных превращались в серые дождевые, но глаза

сестренки, измазавшейся мороженым, все равно светились от счастья. Как сейчас помню этот день, ведь это я вытащила семью развеяться в передвижной цирк. И это я стояла по ту сторону объектива и делала фото. Вот только уже в то время между мамой и папой не все было гладко.

Будучи беззаботным ребенком, порой не замечаешь знаков и очевидных вещей. Мы с сестрой жили в счастливом неведении, мир вокруг казался расписанным яркими красками, смехом и любовью родных, а на самом деле грозовые тучи назревали не только над головами, но и внутри семьи. Сейчас, глядя на фотографию, нельзя не заметить скованный, смущенный взгляд отца, отведенный в сторону, слегка поджатые губы матери и морщинку на ее лбу, которой до этого ни на одном фото не было.

— Давно никуда не ходили, — прошептала Света, касаясь пальцем папиной головы на фотокарточке и оставляя на глянцевой поверхности след.

Пришлось громко сглотнуть предательски подступивший комок в горле.

— Сходим. Давай на новогоднее представление? Подарю тебе и маме билеты из карманных сбережений.

— Я вообще-то нас вчетвером имела в виду! — со злостью сказала Света.

Я присела на корточки, чтобы наши лица оказались на одном уровне. Потрепала сестру по голове.

— Мы больше не сможем сходить вчетвером, как раньше. У папы сейчас другая жизнь. Он же приглашает

тебя к себе на выходные. Может, поедешь разочек? По-знакомишься с его новой женой. Они бы сводили тебя в цирк, а потом на других выходных и мы с мамой куда-нибудь. Двойной бонус!

Если бы Люцифер был девочкой, то определенно с таким же взглядом, какой сейчас бросила на меня Света. Она просто испепеляла глазами.

— Вот сама так и делай! — Она кинула фоторамку на кровать и повернулась ко мне спиной. — А сейчас заплети мне косы, пойдем поскорее в садик.

Я принялась нежно перебирать ее локоны пальцами, чувствуя, как сердце неприятно щемит. Между нами повисла напряженная тишина. Этот утренний разговор напомнил о том, что разбитые вещи легко и просто не склеиваются, сколько бы суперклея у тебя дома ни было.

* * *

Октябрь в этом году выдался удивительно теплым и сухим, на термометре отображалось целых пятнадцать градусов. Затяжное бабье лето. Ни дождя, ни ветра. Лишь желтеющие листья выдавали осень с потрохами.

Света шагала рядом в накинутом на платье плащике и симпатичных туфельках с красными бантиками. За руку меня она не держала, якобы повзрослела. Две косички, которые я заплела, каким-то удивительным способом снова растрепались. Мое же каре по-

сле сушки немного пришло в норму, хотя волосы так и не легли как у девушек на обложках журналов. Одуванчик оставался верен себе до конца. Глупо было надеяться, что, укоротив длину волос вдвое накануне начала учебного года, я вдруг обзаведусь модельной внешностью.

— Я сама добегу до группы, — заявила сестра, стоило нам миновать калитку детского сада. — Распишешься в журнале вечером, когда будешь забирать.

— Ты уверена?

Она кивнула и понеслась так, что пятки засверкали. Я в свои шесть лет такой не была. Мама доводила меня до группы, держа за руку, и я долго хныкала, смотря ей вслед.

Понаблюдав через стеклянные двери, как сестра поздоровалась с охранником и прошла через турникет, я повернула в сторону своей школы, которая располагалась в соседнем квартале.

Отец, будучи переводчиком, посчитал, что обучение в лицее с углубленным изучением иностранных языков станет полезным и для дочери. «Языки — ключ к любой двери, на каком бы клочке земли ты ни оказалась», — говорил он. Но любовь к иностранным языкам во мне так и не проснулась. Я обожала родной русский язык и литературу. Мне казалось, что нет прекраснее речи и слов, которыми изъяснялись Пушкин и Толстой. Именно с этим я и собиралась связать свою дальнейшую судьбу. Пока все мои одноклассники поголовно погрязли в английском, немецком и китайском

и уже распланировали свою жизнь за рубежом в качестве переводчиков, дипломатов и менеджеров, я была единственной, кто нацелился на филологический факультет и кафедру истории и теории литературы.

Одновременно с тем, как мы с ребятами становились взрослее и обзаводились планами на жизнь, менялся наш район. Буквально пару-тройку лет назад я шагала до лицея среди приземистых пятиэтажек, сейчас же район так перестроили, что вокруг выселись сплошные многоэтажки, а окна соседних зданий чуть ли не упирались друг в друга. Часть деревьев выкорчевали, на место зелени пришла асфальтированная парковка. На первых этажах новых домов открыли магазинчики и аптеки, но большую часть занимали алкомаркеты, что радовало определенный срез молодежи и завсегдаев уличных скамеек. Меня же радовало лишь одно местечко.

Я свернула на боковую улочку и юркнула в сторону непримечательной лесенки и двери, украшенной искусственными цветами — пышными пионами с зелеными листочками. Мало кто знал, что здесь пряталась одна из самых уютных в районе кофеен, где тетя Валя варила бесподобное латте на кокосовом молоке. Женщина она была уже немолодая, да что юлить, заслуженно вышедшая на пенсию, но огонька в ней было с излишком. Она открывала «Чашечку» на свой страх и риск, знала про конкуренцию с сетевыми кофейнями, но вот уже несколько лет ее детище держалось на плаву. И я считала, что все это благодаря волшеб-

ству, которое тетя Валя создавала своими руками. Ее выпечка — это отвал башки, как и кофе.

— Сонечка, в школу бежишь? — подмигнула мне тетя Валя из-за прилавка.

Тучная и крупная, она была удивительно шустрым человечком, который мог дать фору любой спортсменке. А еще она никогда не встречала клиентов с кислой физиономией, каким бы испорченным ее настроение ни было. На лице тети Вали всегда светилась искренняя улыбка.

— Здравствуйте, тетя Валь! Мне как обычно.

Кофемашина тут же заработала, издавая характерное жужжание, а маленькое помещение стали окутывать ароматы молотых кофейных зерен и кокосовой стружки. Да-да, она посыпала пенку на латте настоящим кокосом, который я обожала. С витрины манили только-только испеченные пирожки, булочки с корицей и кексы.

Пока тетя Валя готовила мой заказ, колокольчик над дверью мелодично звякнул. Я оторвала взгляд от выпечки, на которую пускала слюни, и оглядела вошедшего. Это был парень моего возраста, спортивного телосложения, чуть выше меня. В ушах у него были беспроводные наушники, он немного подергивал головой в такт музыке, и из-за этого его густые темные волосы колыхались и лезли в глаза. Я улыбнулась, когда одна из попыток откинуть непослушную прядь резким движением провалилась и парню пришлось сдвигать ее, смешно вытянув губы. Знал бы он, как мне знакомы

эти проблемы с волосами, живущими своей собственной жизнью!

Будто почувствовав, что на него обратили внимание, парень повернулся и встретился со мной взглядом. Никогда не видела таких серых глаз! У зрачка радужка принимала более темный тон, и этот резкий переход от оттенка карандашного грифеля до цвета пасмурного неба делал их очень необычными! Это завораживало.

Я поняла, что зрительный контакт затянулся, когда парень удивленно приподнял бровь. Пришлось смущенно отвернуться. Обычно я так нетактично на людей не пялюсь. Даже если они очень симпатичные.

— Соня, держи. — Тетя Валя спасла от неловкости, протянув бумажный стаканчик с кофе, на котором маркером вывела пожелание хорошего дня. — Латте на кокосовом молоке.

— Спасибо.

Я улыбнулась и приложила карточку к терминалу для оплаты. Пока аппарат проводил операцию, не спеша соединяться с сервером и выплевывать чек, я немного сдвинулась в сторону, уступая место недавно вошедшему парню. Тот успел вытащить наушники и изучал написанное мелом меню на грифельной стене. И так сосредоточенно это делал, будто не напиток выбирал, а принимал жизненно важное решение.

— Здравствуйте, молодой человек! Вы у нас впервые? Что желаете? — Тетя Валя обратила все свое

внимание на него, попутно подмигнув мне, когда злосчастный терминал наконец списал деньги.

— Доброе утро. Мне флэт уайт. — Я услышала голос парня, когда переступала порог, покидая кофейню.

Я едва удержалась, чтобы не хихикнуть. Для этого он так тщательно изучал меню? Кто вообще берет себе такой скучный кофе в столь очаровательной кофейне?!

Но голос у парня оказался вполне приятный, с легкой хрипотцой, которая в целом соответствовала его образу. Странно, что раньше он не попадался мне на глаза. Может, приехал к кому-то в гости? Заблудился? Хотя вряд ли тот, кто сбился с маршрута, станет беззаботно разгуливать по кофейням. Господи, Соня, о чем ты вообще задумалась?! Какое мне дело до постороннего человека, которого я видела в первый и последний раз в жизни? Вот только эти его необычные серые глаза прочно застряли в голове. И, дабы вытравить их, я бодро зашагала в сторону лица, набирая приличную скорость.

— Ты куда так несешься, словно гоночный болид?!

Ко мне навстречу бежала и горланила на всю улицу Таня Богачева, моя одноклассница и по совместительству лучшая подруга. В принципе, единственная подруга.

Танюха была бунтаркой, которая терпеть не могла закоснелые нормы и правила, такие как школьная форма, к примеру. Даже сейчас на ней вместо белой

блузки, жилетки и плиссированной юбки, как на мне, были надеты темно-синие брюки, рубашка оверсайз и большие грубые ботинки на шнуровке. В носу поблескивало колечко — пирсинг-обманка. Хорошо, что хотя бы волосы перед началом учебного года она обратнo перекрасила в свой родной оттенок воронова крыла. А то все три месяца лета пугала соседей ядрено-розовым ежиком.

— Тань, может, хоть разок наденешь форму? — спросила я, кидая взгляд на ее одежду. — И где твоя куртка? Осень на дворе!

— Вообще-то брюки синие. Так что, считай, по цветовой гамме прохожу. А греет меня горячая кровь.

Она захихикала, обняла меня за талию и пошла рядом, подстраивая свой шаг под мой.

— Дашь списать алгебру? — шепнула Таня мне на ухо, вызвав щекотку.

Классическая ситуация, не меняющаяся с годами. Я отпихнула подругу, закатив глаза.

— Почему я с тобой дружу, напомни?

Она вновь прильнула ближе, прижалась щекой к моему плечу и посмотрела снизу вверх глазками Хатико. От нее пахло ментоловыми леденцами, прямо как в детстве. Знает же, чем пронимать.

— Потому что мы как сестры. Я готова умереть за тебя, а ты — за меня. Забыла?

Я улыбнулась и покачала головой. Таня восприняла эту реакцию как согласие поделиться домашкой. Ну как же может быть иначе?

